

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТАТУСЕ МОНАХОВ И МОНАСТЫРЕЙ ПО СВЕТСКОМУ И ЦЕРКОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ IV в.

К середине IV в. монашество уже достаточно мощно заявило о себе как о новом явлении внутри Церкви. К этому времени относится становление основных форм монашеской жизни – анахоретской и киновиальной. Были составлены первые монашеские уставы, например, «Устав прп. Пахомия», правила св. Василия Великого, по которым строилась вся жизнь монашеской общины. Это столетие – время бурного роста количества монастырей и монахов.

Монастыри возникали на территории поздней Римской империи, монахи были членами Церкви. Как отреагировали светские и церковные власти на появление монашества? Ведь монашеские уставы регулировали жизнь монастыря как бы изнутри, анахореты и вовсе не подчинялись никаким уставам.

Следует задаться вопросом – каков был статус монахов и монастырей в IV в., когда законодательство, как церковное, так и светское, касающееся монахов, только складывалось: выделяло ли государство монахов как отдельную группу внутри Церкви, а если выделяло, то имели ли они какие-либо привилегии наравне с клириками. Как соотносилось церковное и светское законодательство, регулирующее жизнь монастырей и монахов?

Надо сказать, что эта тема не была обойдена вниманием исследователей¹, однако большинство из них рассматривают церковное и светское законодательство в отрыве друг от друга. Исследователи приходили к выводу, что статус монахов и их объединений в отличие от статуса Церкви очень неясен, но почти не было попыток проследить, изменялось ли законодательство на протяжении второй половины IV в. Многие ученые прослеживали историю становления монашеской терминологии², однако при этом не пытались выявить связь между ее развитием и определением статуса монашеских общин и монахов.

В данной статье будут рассматриваться только памятники канонического, т.е. церковного, права и римского права IV в.³, поскольку именно они создают правовую базу существования монашества в церкви и обществе. Прочие источники привлекаются лишь в том случае, если они содержат законодательные нормы, отсутствующие в «Кодексе Феодосия».

Положение монаха внутри Церкви в это время в значительной мере двойственно. Монах – по своему происхождению – мирянин⁴. Но главное занятие монаха – молитва и служение Господу – выделяет его из рядов мирян и сближает по своему положению с клириками, что «придает монашеству характер, отличный от положения остальной массы верующих»⁵. Интересные сведения о том, что монахи не просто выделяются в

¹ Karayannopoulos F. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958; Gaudemet J. L'eglise dans l'empire Romain. P., 1958; McLaughlin P. Le très ancien droit monastique de l'Occident. P., 1935; Frazee Ch.A. Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from Fourth to the Eighth Centuries // Church History. 1982. 51. P. 263–279 и др.

² Подробнее об этом см. ниже.

³ См. постановления вселенских и поместных соборов; Mansi J. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Rev. ed. 54 vols. Graz, 1960. Указы римских императоров собраны в «Codex Theodosianus» (CTh) / Ed. G. Haenel. Lipsiensis, 1837.

⁴ См., например: McLaughlin. Op. cit. P. 111: «Монашество было с самого своего начала движением мирян. Первые монахи были простые миряне ... не входившие никоим образом в церковную организацию в качестве монахов, оставаясь простыми верующими. Монахи зависели от мирского клира во всем, что касалось их духовных потребностей».

⁵ Ibid. P. 112.

отдельную группу внутри Церкви, но и воспринимаются мирянами, как нечто им противоположное, приводит Иоанн Златоуст. Когда Златоуст стал требовать от мирян благочестивой христианской жизни, те ему прямо говорили: «Это не наше дело, это дело монахов». На это Златоуст отвечает: «Все повеления закона у нас общие с монахами, за исключением безбрачия»⁶.

То, что монашество стало качественно новым этапом аскетической практики, всегда существовавшей в недрах Церкви, выразилось в частности и в появлении новой терминологии, обозначающей тех, кто ведет такой образ жизни. Не вдаваясь подробно в рассмотрение этого вопроса⁷ отметим самое существенное. Джайдж указывает, что самое раннее употребление слова *μοναχός* зафиксировано в одном папирусе 324 г.⁸ У церковных писателей это слово встречается первый раз у Евсевия Кесарийского в «Толкованиях на Псалмы»⁹. Однако как обозначение конкретной группы внутри Церкви оно входит в широкое употребление с появлением «Жития Антония Великого», написанного Афанасием Великим (середина IV в.)¹⁰.

Наряду с этим термином продолжали существовать и прежние термины – такие, как «пустынник», «девственник» (*παρθένος*), но постепенно наиболее употребительным становится «монах». Если мы обратимся к «Правилам поместных соборов», то обнаружим любопытную вещь. В отличие от литературы IV в. каноническое право этого времени практически не упоминает «монахов». «Правила» продолжают оперировать понятиями, выработанными к IV в., и посвящены в основном «девам». 19-е правило Анкирского собора (314 г.) посвящено девам, нарушившим свой обет¹¹. Правила Гангрского собора (между 360 и 380 годами), направленные на устранение в том числе и эксцессов в среде монашества, не употребляют вообще слово «монах»¹². Карфагенский собор 397 г. упоминает лишь «воздерживающихся» (*continentes*) и священных дев (*virgines sacrae*)¹³. Правило 25-е Лаодикийского собора (между 360 и 370 годами) наряду с клириками посвящено неким из «аскетического чина»¹⁴. Правило 30-е того же собора упоминает «подвижника» (*ἀσκητής*)¹⁵.

Надо отметить, что указанные поместные соборы занимались частными вопросами¹⁶ и оставляли без внимания исключительно важные и назревшие уже ко второй поло-

⁶ Καὶ γὰρ πάντα ἡμῖν τὰ τῶν Ῥωμαίων κοινὰ πρὸς τοὺς μοναχοὺς ἐστὶ, πληρὸν τοῦ γάμου (PG. V. 57. P. 81) (здесь и далее перевод автора статьи).

⁷ Подробно этот вопрос разбирается в статьях: *Morard F.E. Monachos, Moine. Histoire du terme grec jusqu'au IV siècle // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. 1973. 20. S. 332-412; Adam A. Grundbegriffe des Monchtums in sprachlicher Sicht // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1953/1954. LXV. Beiheft I, II. S. 209–240; Judge E.A. The Earliest Use of Monachos for «Monk» (P. Coll. Youttie 77) and the Origins of Monasticism // Jahrbuch für Antike und Christentum. Münster, 1977. XX. S. 72–89.*

⁸ *Judge. Op. cit. S. 72:* «Этот папирус – недавно опубликованная петиция Аврелия Исидора из Караниса, датированная 6 июня 324 г.? – упоминает монаха Исаака... Это наиболее раннее упоминание термина для монаха как узнаваемой фигуры в обществе. Тот факт, что оно появляется в светском документе, особенно в таком раннем, имеет важное отношение к вопросу о появлении монашества».

⁹ *Eusebii Pamphili. Opera omnia // PG. V. 23. 1857. P. 689.* Интересно отметить, что Евсевий прилагает к ним слова «τάγμα τῶν μοναχῶν».

¹⁰ А. Адам (op. cit.) считает, что к середине IV в. этот термин представляется как основное самоназвание (p. 216).

¹¹ Mansi II. 520.

¹² Mansi II. 1099–1106. Приведем те термины, которые употреблены в правилах этого собора: кто-либо из девствующих (*τις τῶν παρθενεύοντων*) (пр. 10); кто-либо ради мнимой аскезы (*τις ἀνδρῶν διὰ νομιζομένην ἀσκησιν*) (пр. 18); кто-либо из аскетов (*τις τῶν ἀσκούμενων*) (пр. 19).

¹³ Mansi III. 883–885.

¹⁴ «Ὅτι οὐ δεῖ ἱερατικούς ἀπὸ πρεσβυτέρων ἕως διακόνων, καὶ ἐξῆς τῆς ἐκκλησιαστικῆς τάξεως ἕως ὑπρετῶν ... ἢ τοῦ τάματος τῶν ἀσκητῶν, εἰς κατηλεῖον εἰσεναί (пр. 25). Mansi II. 600.

¹⁵ «Ὅτι οὐ δεῖ ἱερατικούς ... ἢ ἀσκητὰς ... ἐν βαλαυεῖα μετὰ γυναικῶν ἀπολούεσθαι (пр. 30). Mansi II. 553–603.

¹⁶ Вышеупомянутое 25-е правило Лаодикийского собора запрещает лицам «из аскетического чина входить в трактир».

вине IV в. проблемы, например, проблему взаимоотношения монахов с церковной иерархией¹⁷. Отчасти она была рассмотрена Гангрским собором, который постановил, что тем, кто чуждается причащаться у женатого священника, кто составляет отдельные церковные собрания (без пресвитера, посланного епископом) – «да будет анафема»¹⁸. Проблемы, связанные с монашеством, не вошли в круг рассматриваемых не только на I Вселенском соборе 325 г., когда монашество лишь начинало распространяться, но и на II Вселенском соборе 381 г.

Разбираются или нет в правилах поместных соборов вопросы, связанные с положением, статусом монаха внутри церкви? Из всех правил лишь 25-е правило Лаодикийского собора предоставляет нам некоторую информацию для размышления. Это правило, как мы упоминали выше, воспрещает «освященному лицу от пресвитера до диакона, и потом кому-либо из церковного чина, даже до иподиаконов ... или из аскетического чина, в трактир входить»¹⁹. Из этого правила следует, что монахи не рассматривались как простые миряне, но и не причислялись даже к низшим церковнослужителям. В этом проявляется двойственность их положения, отмеченная выше. Однако делать какие-либо далеко идущие выводы из одного правила представляется неправомерным.

Следует отметить, что все поместные соборы, упоминавшие «подвижников», вообще не рассматривали проблемы, связанные с объединениями этих «подвижников» – монастырями. Если судить только по дошедшим до нас материалам поместных и вселенских соборов, в IV в. в поздней Римской империи монастырей не было, при том, что Пахомий Великий основал первый общежительный монастырь в Египте в 30-е годы IV в.

Из чтения этих правил также складывается впечатление, что монахи составляли периферийную группу церковного общества и с ними в церковном обществе не было связано никаких проблем. Кажется, что проблема статуса монахов церковных законодателей IV в. вообще не занимала. Вышеупомянутые правила Лаодикийского собора говорят об аскетах как о некоем явлении, которое всем хорошо известно и которое не требует потому никаких пояснений²⁰.

Перейдем теперь к светскому законодательству. Представляется необходимым сначала рассмотреть, как изменялась законодательная терминология на протяжении IV в. Поскольку интересующие нас законы составлены на латинском языке, возникает вопрос, в какое время в этом языке появляется термин «монах». Впервые это слово в форме *monachus*, которое затем становится общеупотребительным, зафиксировано в 70-е годы у бл. Иеронима²¹ и в переводе «*Vita Antonii*» Евагрия Антиохийского. У Иоанна Кассиана встречается также форма *monazontes*²².

Закон о завещаниях изданный императором Валентинианом I на имя папы Дамаса²³ от 370 г., – дает интересный пример обозначения монахов в законах. В нем речь идет о запрещении входить в дома вдов и сирот «управляющим церковными имуществами или из церковных или тем, кто желает называться воздерживающимися» (*ecclesiastici*

¹⁷ Ж. Дагрон отмечает, что презрение к церковной иерархии – естественная тенденция всего восточного монашества этого времени, однако евастафиане делают эту тенденцию принципом (*Dagron G. Les moines et la ville. Le monachisme à Constantinople jusqu'au concile de Chalcedoine (451) // Travaux et memoires. 1970. 4. P. 251–252*).

¹⁸ Mansi II. 1099–1106. Правила 4–7.

¹⁹ Mansi II. 600.

²⁰ *Granic B. L'acte de fondation d'un monastère dans les provinces grecques du Bas-Empire au V-e et au VI-e siècle. // Mélanges Ch. Diehl. P., 1930. P. 101–105.* Автор утверждает: «Сначала монастырь находился вне какого-либо юридического влияния. Это были частные ассоциации особого рода, чье положение и взаимоотношения не были юридически определены ни по отношению к церкви, ни по отношению к Римской империи» (p. 101).

²¹ *Hieronimi Epistulae III / Ed. J. Hilberg. Wien, 1918. Ep. 3 ad Rufinum.*

²² *Monachi sive monazontes a singularis ac solitariae vitae districtione nominati sunt (Cassien J. Collationes / Ed. E. Picherry. Sources chretiennes 64. P., 1959. P. 18).*

²³ CTh. 16.2.20.

aut ex ecclesiasticis vel qui continentium se volunt nomine nuncupari) с целью добиваться составления завещания в свою пользу. Хотя слово «continentes» имеет немного более широкое значение, употребляясь как для обозначения людей, исполняющих те или иные виды аскезы, оставаясь при этом в рамках церковной организации, так и собственно монахов, в данном случае под теми, «кто желает называться воздерживающимися», имелись в виду именно монахи²⁵. То, что закон 370 г. направлен не только против клириков, но и против монахов, отмечал, в частности, еще В.В. Болотов²⁶. В законе императора Валента от 370 г. мы находим еще одно обозначение монахов – грецизированное «monachos». Следующие законы, посвященные монахам, появляются лишь в 90-е годы IV в.²⁷ В них уже употребляется только классический термин «monachus»²⁸.

Таким образом, из вышеприведенных законов следует, что светские власти достаточно поздно замечают появление новой общественной силы, долго, вплоть до 90-х годов не имеющей в законе фиксированного наименования.

В IV в. христиане (corpus Christianorum) уже четко делятся на две группы: мирян и клириков. К какой группе причислялись монахи в светском законодательстве? Рассматривались ли они как составная часть клира? Нам представляется, что нет. Например, закон 319 г. так определяет клириков: «Те, которые божественному культу управляют службы, т.е. те, которые называются клирики» (qui divino cultui ministeria religionis impendunt, id est hi, qui clerici appellantur)²⁹. И в последующих законах при определении клировых должностей монахи также не упоминаются.

По римскому законодательству монахи не причислялись и к мирянам. Так, например, закон от 390 г. посвящен тем, кто «sub professione monachi»³⁰. Хотя и можно согласиться с Годмэ, который пишет, что в юридических текстах мы не находим четкой регламентации для «монахов»³¹, но государство, как видно из приведенных примеров (при том, что действительно в законах нет такого четкого определения для монахов, как для клириков), уже отчетливо выделяет монахов из общей массы христиан. Законодатели, по всей видимости, также ощущали двойственность положения монахов, как и церковные власти, но дальше простой констатации существования группы людей «sub professione monachi» речь пока не шла.

Выше мы говорили, что поместные соборы не упоминают монастыри. Рассмотрим теперь, отразилось ли в римском законодательстве существование объединений монахов, т.е. монастырей. На протяжении IV в. было издано много законов императоров относительно статуса Церкви, но статус монастыря как института, к середине IV в. ставшего достаточно распространенной формой организации монахов, законодательство также не определяет. Закон императора Валента (370 или 373 г.)³² – первый из известных нам законов не просто о монахах, но об объединениях монахов. В нем

²⁴ Словарь Дюканжа приводит ряд примеров того же времени, из которых видно, что термин «continentes» относился к монахам. Например: «Поскольку мы не носим шелковых одежд, считаемся монахами, поскольку мы трезвые, называемся воздержанными и печальными» (Nos, quia serica veste non utimur, Monachi iudicamur, quia ebrii non sumus ... Continentes vocamur et Tristes) (Hieronimus. Ep. 24 ad Marcellam) и «Как много воздерживающихся в Церкви и монастырях» (Quam multi continentes in ecclesia et monasteriis) (Augustinus. Contra Faustum. Lib. V. Cap. 9). Из последнего примера видно, что термин «continentes» употребляется и применительно к тем, кто подвизается в монастырях.

²⁵ Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 3. СПб., 1913: «Император эдиктом на имя папы Дамаса запретил клирикам и монахам входить в дома вдов и сирот. Всякое завещание в пользу духовных или монахов считалось недействительным» (с. 109).

²⁶ СTh. 12.1.63.

²⁷ СTh. 11.30.57; 16.3.1; 16.3.2; 16.2.32.

²⁸ В законе от 398 г. (СTh. 11.30.57) встречается еще одно обозначение для отдельной группы монахов: «nulli clericorum vel monachorum, eorum etiam quos synoditas vocant».

²⁹ СTh. 16.2.1.

³⁰ СTh. 16.3.1.

³¹ Gaudemet. Op. cit. P. 201.

³² СTh. 12.1.63.

приказывается возвращать египетских монахов к исполнению «munia patriarum». Египет в это время, как известно, становится центром киновиального монашества³³. Однако в законе объединения монахов называются не monasterium, а coetus monachorum.

Иеромонах Михаил считает, что в законодательстве слово «coetus» является синонимом терминов «collegium», «consortium», «congruus»³⁴. Если это действительно так, то из этого автоматически следует вывод, что уже в этом, однако из самых ранних законов, римское законодательство признает монастырь корпорацией, т.е. юридическим лицом. Воздержимся от подробного рассмотрения употребления слова «coetus» в памятниках IV в., но приведем некоторые примеры употребления этого слова в «Codex Theodosianus». Так, например, в законе 410 г. говорится: «Те, которые добровольно сопричислились к собраниям курий» (qui ultro se curiarum coetibus inseruerunt)³⁵; 386 г. — «Сборщики податей и казначей в славнейшем собрании курии» (exactores vel susceptores in celeberrimo coetu curiae)³⁶; 353 г. — «Чтобы сообщество церквей умножалось притоком людей способных» (ut ecclesiarum coetus concursu populorum ingentium frequentetur)³⁷; 409 г. — «группа, сообщество навархов» (coetus nauachorum)³⁸; 376 (378) г. — «еретические сборища» (coetus haeretici)³⁹.

Можно было бы привести еще целый ряд аналогичных примеров. Но как видно и из вышеприведенных слово «coetus» обозначает либо «собрание», либо группу людей и никоим образом не является синонимом слова «congruus». Фрэйзи⁴⁰ переводит «coetus» закона Валента от 370 г. словом «band»: «Уходят в пустыню, чтобы присоединиться к группам (колониям) еремитов»⁴¹.

Представляется сомнительным, чтобы закон Валента был направлен только против еремитов, ведь в отличие от других областей империи, преобладающей формой монашества в Египте было киновиальное монашество. Естественно предположить, что здесь монастырь (пусть даже и келлиотный) не воспринимается властями как объединение с правами юридического лица, как корпорация. Последующие законы, о чем речь шла выше, в качестве субъектов права также не упоминают монастыри, но только отдельных монахов.

В дополнение к вышеприведенным свидетельствам законодательства можно привести два любопытных места из сочинений св. Василия Великого, где речь идет о налогах, которые должны платить монахи. Они также свидетельствуют о двойственности положения монаха. Правило 94-е «Правил кратко изложенных»⁴² звучит так: «Вопрос: Если кто не уплатив форос, вступит в братство, домашние же его терпят за него притеснения, не вызовет ли это разбирательства или не причинит ли какой-либо вред ему или принявшим его? Ответ: Если принес в братство что-то из принадлежащего кесарю (т.е. какое-либо имущество, с которого следует платить налог. — А.В.), да будет повинен внести форос, а если ушел от своих, все им оставив, да не будет никакого сомнения (διάκρισις) ни ему, ни принявшим его».

³³ См., например: Казанский П. История православного монашества на Востоке. Ч. 2. М., 1854; Rousseau P. Pachomius: the Making of Community in 4th Egypt. Galiphax, 1985.

³⁴ Иером. Михаил. Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви (313–565). Киев, 1901. С. 46.

³⁵ СTh. 12.1.172.2.

³⁶ СTh. 12.6.20 [= BREV. 12.2.1].

³⁷ СTh. 16.2.10.

³⁸ СTh. 13.5.32.

³⁹ СTh. 16.5.4.

⁴⁰ Frazee. Op. cit. P. 265.

⁴¹ «bands of hermit monks» (p. 264).

⁴² Ἐάν τις καταλιπὼν φόρους ἀδελφότητι προσέλθῃ, οἱ δὲ οἰκεῖοι αὐτοῦ ὑπὲρ αὐτοῦ ἀπαιτοῦμενοι θάλαβωνται, εἰ μὴ φέροι τοῦτο διάκρισιν καὶ βλάβην ἢ ἐκεῖνω, ἢ τοῖς προσδεξαμένοις... εἰ μὲν τι τοιοῦτον τῶν ἐκ τοῦ Καίσαρος καὶ οὗτος ἐπικομιζόμενος εἰς τὴν ἀδελφότητα ἦκεν, ὑπόχρεως ἔστω τοῖς φόροις· εἰ δὲ πάντα προσκαταλιπὼν τοῖς οἰκεῖοις ἀπῆλθε, μηδεμίαν διάκρισιν ἔστω, μήτε αὐτῷ, μήτε τοῖς ὑποδεξαμένοις (Basillii Caesariae. Opera omnia // PG. V. 31. P. 1148).

В этом отрывке интересно, на наш взгляд, то, что налог платит не братство, как было бы логично предположить, если человек свое имущество внес в монастырь. а тот, кто его принес.

О налогах речь идет и в письме 284-м, которое адресовано «Сборщику налогов»: «Хотя думаю, что у почтенности твоей по отношению к монашествующим принято какое-нибудь правило (τύπος) и я не должен просить для них особой милости, но полагая, что и на мне лежит обязанность заботиться о таковых людях, прошу освободить от податей (συντέλειων) этих давно отрехшихся от мира и умертвивших тело свое людей; почему они и не в состоянии оказать какую-либо пользу обществу или имуществом (ἀπὸ χρημάτων) или телесными трудами. Ибо если живут по обету, то нет у них ни имущества (χρήματα), ни тела: первое расточено в пользу бедных. а последнее сокрушено постами и молитвами»⁴³.

Надо отметить, что эти два отрывка – практически единственные источники, позволяющие судить о налоговой политике государства по отношению к монахам и монастырю.

Какие налоги имелись в виду под συντέλεια? Б. Гэн со ссылкой на Пиганьол считает, что здесь имелась в виду подушная подать – *capitatio*⁴⁴. Она могла взыскиваться не только с конкретного человека, но и с его имущества (в случае недоимок). Тем не менее нам кажется, что под συντέλεια могли иметься в виду и другие налоги. Упоминание о возможности отработки податей наводит на мысль, что здесь могли иметься в виду *munera sordida* или *extraordinaria*. Какого рода τύπος имелся у цензора, мы сказать не можем, и возникает ощущение, что и сам Василий твердо не знал, есть ли специальные правила об уплате монахами налогов или нет.

Это место также показывает: монахи, в отличие от клириков, не обладали иммунитетом. С другой стороны, отсутствие иммунитета у монахов сближает их с мирянами, при этом нельзя говорить, что государство относится к ним как к мирянам. Оно считало их «*sub professione monachi*» (о чем мы говорили выше), но налоги они платили как обычные подданные империи.

Итак, монастыри могли иметь имущество и доходы, которые фактически рассматривались как собственность монастыря, однако налоги, подати и какие-то повинности разверстывались государством не на монастырь, а на монахов. Эти налоги они платили как простые миряне. Таким образом, в тех местах, где речь идет о налогах, собираемых государством, монастырь рассматривается не как юридическая целостность, а как совокупность отдельных личностей, каждая из которых является самостоятельным субъектом по отношению к фиску.

Римское законодательство IV в., так же как и церковное, не занималось регламентацией ни внутренней жизни монастыря, ни его отношениями с церковными и светскими властями⁴⁵. Монастырь управлялся на основе собственного устава. Для светского законодательства объединения монахов как бы не существовали. Незрелость юридических норм сопровождалась неопределенностью и терминологией, касающейся

⁴³ Οἶμαι μὲν τινα ἤδη τύπον κεκρατῆσθαι παρὰ τῆ τιμότητί σου τῶν μοναζόντων ἕνεκεν, ὡς μὴδὲν ἡμᾶς δεῖσθαι ἰδιόζουσαν χάριν ἐπ' αὐτοῖς αἰτεῖν, ἀλλ' ἔξαρκεῖν αὐτοῖς, εἰ τῆς κοινῆς μετὰ πάντων ἀπολαύσειαν φιλανθρωπίας. Ὅμως δὲ καὶ ἐμαντᾶ ἐπιβάλλειν ἡγούμενος φροντίζειν, τὰ δυνατὰ, τῶν τοιοῦτων ἐπιστέλλω τῆ τελείᾳ συνέσει σου τοὺς πάλαι μὲν ἀποταξαμένους τᾶ βίῳ, νεκρώσαντας δὲ ἑαυτῶν τὸ σῶμα, ὡς μήτε ἀπὸ χρημάτων μήτε ἀπὸ τῆς σωματικῆς ὑπηρεσίας δύνασθαι τι παρέχειν τοῖς δημοσίοις χρήσιμον, ἀφίεναι τῶν συντελειῶν. Καὶ γάρ, εἴπερ εἰσι κατὰ τὸ ἐπάγγελμα ζῶντες, οὕτε χρήματα ἔχουσιν οὕτε σώματα, τὰ μὲν εἰς τὴν τῶν δεομένων κοινωσίαν ἀποκτησάμενοι, τὰ δὲ ἐν νηστείαις καὶ προσευχαῖς κατατρίψαντες (Epistulae / Ed. Y. Courtonne. Saint Basile. Lettres. 3 vols. P., 1966. V. 3).

⁴⁴ Gain B. L'eglise de Cappadoce au IV-e siècle d'après la correspondance de Basile de Cesaree (330–379). Roma, 1985. P. 314.

⁴⁵ Иеромонах Михаил считает, что «...монастыри возникли в Церкви по воле частных лиц и в первое время представляли собой частные корпорации – *privata collegia*. Их правовое положение определялось общими законами о дозволенных коллегиях религиозного характера» (Ук. соч. С. 47).

монахов и их объединений, хотя в литературных памятниках этого времени она отличается разработанностью.

Регламентация монашеской жизни, выработка законодательных норм, определяющих положение монахов в обществе, их взаимоотношения с внешним миром и признание за монастырями статуса юридического лица – дело V–VI веков.

А.Б. Ванькова

SOME NOTES ON THE STATUS OF MONKS AND MONASTERIES
ACCORDING TO SECULAR AND CHURCH LAW OF THE 4th c. AD

A.B. Vankova

The article deals with some questions considering the status of monks and monasteries in the 4th c. AD tracing the genesis of secular and Church laws referring to monkhood. The author pays special attention to the problem of correlation between Church and secular laws considering monks and their unions. She stresses the ambiguity of monks' status (noticed earlier by some scholars), certain delay in working out the necessary legislative norms and the legal vacuum in which monasteries had to live, being ruled practically by their own regulations. The author raises the question of congruence between the development of terminology denoting monks and their unions and the legislation, drawing a conclusion that poor development of legal norms is accompanied by poor development of the relevant terminology denoting monks and their unions in the legislative documents, elaborated as it is in literary sources.